

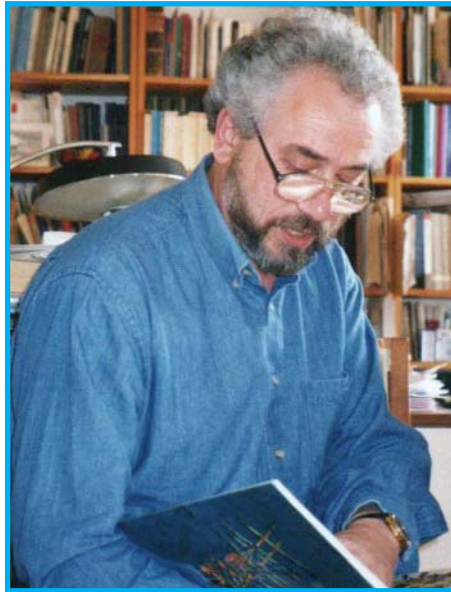
РУССКАЯ ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕЧНАЯ АССОЦИАЦИЯ
ДВИЖЕНИЕ «МОЛОДАЯ РОССИЯ ЧИТАЕТ»
ПРОЕКТ «РОДИТЕЛЬСКОЕ СОБРАНИЕ ПО ДЕТСКОМУ ЧТЕНИЮ»

**Современные
детские писатели**

Михаил ЯСНОВ

**Приложение для родителей, воспитателей, учителей
и библиотекарей к журналу «Читайка» № 10, 2009**

МИХАИЛ ДАВИДОВИЧ ЯСНОВ

Автобиография

Я родился в Ленинграде в 1946 году, окончил филологический факультет Ленинградского университета, вступил в Союз писателей. Этими рядовыми событиями, пожалуй, и исчерпывается моя «внешняя» биография. Первая моя книжка для детей вышла в 1979 году, первая книга стихов для взрослых — в 1986, но ещё до того, в середине семидесятых, начали выходить публикации, а потом и книжки моих переводов. С тех пор художественный перевод съедает львиную долю моей жизни: и стихи, и проза, но всё это — занятие любимое. Перевод — это ведь игра, надевание масок, «ис-

кусство потерь» и рабочий стол находок: сюжетов, поэтических ходов, языковых радостей и — друзей.

Среди переводов для детей предпочтение отдаю французским стихам и сказкам. Начиная с середины девяностых годов у меня вышло довольно много книг переводов. С удовольствием вспоминаю антологию-билингову французской детской поэзии в нескольких книжках — «Поэзия вокруг нас», книгу французских стихов и сказок «Попугай Дагобер и ржавый якорь», серию современных литературных сказок, которые я собрал и перевёл, а также целый детский роман, написанный по мотивам французского героического эпоса, — «Рог Роланда и меч Гийома». Потом к ним прибавились другие публикации, прежде всего — французские стихи, собранные в сборниках «Урок муравьедения» и «Стихи французских поэтов для детей», а недавно вышло целых три томика переводов моих любимых французских народных сказок.

Прозу я пишу редко — не хватает на неё дыхания. А вот стихи, тьфу-тьфу, пишутся, и мои маленькие подсказчики никуда не исчезают. Звонит, например, знакомая девочка и говорит: «Дядя Миша, смотрите, какое я слово придумала — Дружунгли!» Как же не воспользоваться такой находкой? А сколько историй рассказывают мне первоклашки-второклашки на наших встречах! Всё это так или иначе проникает в стихи, становится основой лирического сюжета или языковой игры.

На мой взгляд, всё, что я пытаюсь сделать в детской поэзии, по большей части подпадает под определение «филологического юмора». Для меня очень важно, как стихи звучат (то, что Самуил Маршак определил понятием «держать звук»). Возможно, это внимание к чистоте звука привело меня на радио, где, начиная с 1991 года, я придумывал и вёл разные передачи, связанные со стихами для детей и стихами самих детей, — «Поэтический букварь», «Сверчок» и т.д. А ещё так сложилось, что на мои стихи написано много детских песен — в моей «детской библиотеке» (это слово придумал мой друг композитор Григорий Гладков) много старых пластинок, новых дисков и аудиокниг.

Кроме того, я очень люблю складывать всевозможные альманахи и сборники и вообще заниматься «организацией» поэтического процесса. Может быть, поэтому я принялся составлять и редактировать детские страницы в газетах и журналах, пишу про детские книжки и нередко веду разные встречи с читателями, на которые с удовольствием вытаскиваю моих друзей и коллег — детских поэтов и прозаиков.

Я радуюсь, когда вокруг меня звучат хорошие, неожиданные детские стихи. В раннем детстве это были Маршак и Чуковский. Очень многим я обязан Александру Александровичу Шibaеву, его урокам поэтического языка. Но главное — судьба подарила мне четверть века дружбы с Валентином Дмитриевичем Берестовым, и если я что-то научился делать в детской поэзии, то это всё — он. И — дети, которые подсказывают именно то, что нужно.

Но, конечно, главное общение — с друзьями и коллегами по нашему детскому цеху. С педагогами, воспитателями, а главное — с библиотекарями. Мне кажется, библиотекарь — основная фигура отечественной культуры. Поэтому я охотно езжу по городам и весям, зная, что можно отвести душу на встречах с детьми в тамошних библиотеках. Или, например, приехать в Москву и поучаствовать в круглом столе, посвящённом проблемам детской литературы. Полезное занятие! В детской поэзии, к счастью, нет великой разницы между московской и петербургской школами: может быть, в Москве сильнее традиция авангарда, зато у нас — авангард традиции. Это относится и к замечательным нашим художникам. Так что мы, я надеюсь, питаем друг друга и общаемся с достаточно радостным визгом. Потому что любовь к поэзии подразумевает богатство чувств. И это главное, к чему может привести поэтическое воспитание. Не будем забывать слова Шарля Бодлера, сказавшего однажды применительно к поэзии: «Гений — это чётко сформулированное детство».

Вот, пожалуй, что осталось на всю жизнь — оптимизм и надежда, от которых так сладко щемит сердце в детстве и отрочестве.

ИНТЕРВЬЮ

— Цель нашего журнала — помочь родителям, педагогам, библиотекарям взрастить настоящих творческих читателей. Поэтому нам очень интересен читательский опыт тех людей, которые много добились в своей жизни. Как рано Вы научились читать? Что вообще можете рассказать о себе как о читателе?

— Я научился читать очень рано, а получилось это вот каким образом. Чуть ли не каждый день мама уходила добывать еду для нашей семьи (это были первые послевоенные годы, когда едой разживались с трудом), вставала в магазине в очередь, а меня, чтобы я не потерялся и был на виду, оставляла, как правило, на улице, около какой-нибудь театральной тумбы (таких тогда было много в городе). И вот я, коротая время, ходил вокруг такой тумбы, как кот учёный, то направо, то налево, и водил пальцем по большим буквам на театральных плакатах. Так я выучил буквы, потом начал складывать их в слова, и первыми запомнившимися мне словами стали названия спектаклей и фамилии драматургов. Но я тогда всего этого не знал и очень, помнится, веселился, когда у меня складывались смешные слова: «Шекспир», «Чехов», «Горький»... Так всё и пошло. И ещё до школы я прочитал довольно много книг из нашей домашней библиотеки, которая, хотя была и небольшой, вполне удовлетворяла моё тогдашнее детское любопытство.

— Кто Вам читал в детстве? И что?

— Читали все — и мама, и папа, и моя старшая сестра, она к тому времени была уже студенткой медицинского института, а я очень любил совать нос в её учебники. Из того, что мне тогда читали, я запомнил почему-то только стихи Некрасова, которого любили мои родители; у нас были тоненькие книжки Некрасова из ещё дореволюционной дешёвой библиотеки (они хранятся у меня до сих пор); родители доставали их из книжного шкафа, и все читали вслух по кругу. Я не помню подробностей этих чтений, но запомнил их как важный факт моей детской биографии; видимо, что-то тогда крепко запало в мою душу.

— Помните, какая книга была самой любимой в детстве (до школы, в начальной школе)?

— Таких книг было много, но я так и вижу самую первую из них, которую прочитал самостоятельно. Это был Владимир Маяковский, «Это книжечка моя про моря и про маяк». Книжка была отпечатана, как я теперь понимаю, скверно, на плохой бумаге, с чёрно-белыми картинками. Поэтому, прочитав её, я тут же разрисовал страницы цветными карандашами, и за эти каракули мне здорово влетело. Вообще родители научили меня бережно обращаться с книгами, подклеивать разлохмаченные корешки и надорванные страницы, что, признаться, всю жизнь я и делаю. А вообще моими любимыми книгами были «Азбука» Самуила Маршака и стихи Корнея Чуковского. Такими они остаются для меня и по сей день.

— А какую книгу Вы бы посоветовали обязательно прочитать всем юным читателям?

— Ну, таких книг немало! Я считаю, что все дети непременно должны читать стихи, и, по крайней мере, пятерых поэтов прошло-

го века, не только знать, но и полюбить. Это Чуковский, Маршак, Хармс, Заходер и Берестов. Хотя я прибавил бы к этим пяти еще не менее пятидесяти имен.

— В своих стихах и переводах Вы с упоением играете словами. Любовь к русскому языку появилась в школе?

— В школе. И в литературном клубе Ленинградского дворца пионеров, куда я ходил с двенадцати лет. Нас, тогдашних юных сочинителей, было в клубе очень много, и все мы играли — в слова, в стихи, писали друг на друга эпиграммы и пародии, всё это учило нас быть внимательными к языку, искать и понимать его богатства, его устройство и ценить поэзию именно как искусство слова.

— Когда Вы начали сочинять? И когда поэзия стала профессией? Может быть, помните свои произведения из детского периода творчества?

— Сочинять я стал рано, лет в шесть. И, признаться, с первых школьных лет хотел стал писателем. Так это на всю жизнь и осталось. Стихов того времени я, к счастью, не помню: думаю, они были очень плохими. А профессией писательство (и стихи, и переводы, и многое другое) стало для меня уже после того, как я окончил университет, и литература превратилась в главное моё дело.

— Как вообще сочиняются стихи? Откуда берутся темы? Что приходит сначала — тема или рифмы?

— Всё бывает по-разному. Иногда вдруг услышишь какое-то словечко, и оно оказывается таким неожиданным, или весёлым, или многозначным, что сразу просится в стихи. А иногда это может быть обрывок фразы, который ритмически ложится в строку и хочется его запечатлеть. А иногда это сюжет, подсказанный самими ребятами. Но я больше всего люблю отталкиваться от слова,

чтобы в нем вдруг почувствовалась игра, и можно было бы эту игру каким-то тайным образом развить. Тайным — потому что иногда сам не знаешь, как приходят в голову те или иные поэтические ходы. И это — для сочинителя — самое интересное.

— На многие стихи вас вдохновлял ваш пёсик Берримор. Он стал даже соавтором нескольких книг...

— Да, рядом со мной долгие годы жил соавтор — таксик Берримоша, мы вместе написали много стихов и ставшую популярной «Щенячью азбуку». Когда мы с ним гуляли, Берримор обязательно находил возможность натолкнуть меня на какой-нибудь сюжет из уличной жизни, да и дома нередко давал повод рассказать о себе самом в

стихах. Так продолжалось до его глубокой старости. Поэтому появлялись, например, стихи, вроде «Непослушного дедушки»:

Ну, прямо как маленький!
Всё открывает.
Зачем-то обои в углу отрывает.
Я деньги ему на подарок копил —
А он его сразу на кресле
Забыл.
Все встали пораньше,
А он на кровати
Разнежился
В папином теплом халате.
На неженку
Бабушка
Грозно ворчит, —
А он лишь вздыхает в ответ
И молчит.

Когда же зовёт его мама обедать —
Он вдруг начинает
По комнате бегать,
Как мальчик,
На кухню вприпрыжку лети —
И всем объявляет
Про свой аппетит.
А после обеда
Ложится в передней
Наш дедушка-таксик
Тринадцатилетний,
Он что-то понюхает,
Что-то лизнёт, —
И, чмокая всласть,
Мой подарок грызёт!

— Сейчас такое море книг. Подскажите родителям, как выбрать книгу в магазине, как сходу определить — хорошая она или плохая, хорошие стихи или плохие?

— К сожалению, сходу ничего не делается. Чтобы понять, какая книга, которая вам глянулась и которую вы хотели бы купить своему чаду, надо всё-таки быть хоть немного подготовленным человеком, уже прошедшим школу чтения. Потому что чтение — я в этом убеждён! — не меньшее искусство, нежели само книгописание. Но, как бы там ни было, вы всё-таки постарайтесь хотя бы бегло, хотя бы у магазинной полки прочитать что-нибудь в этой книге, чтобы вам самим текст её хоть немного понравился. И, конечно, обращайтесь, пожалуйста, внимание на иллюстрации. Не давайте плохому вкусу поселиться в вашем доме!

— Как Вы считаете, нужна ли, возможна ли цензура в детской литературе?

— Нет, никакой цензуры быть не должно. Просто и в издателях, и в родителях должны быть воспитаны нормы, которые первым позволяли бы не издавать чушь и безвкусицу, а вторым — понимать, что им предлагают. К сожалению, на воспитание таких «добрых» чувств уходят десятилетия, но с этим ничего не поделаешь. Каждый юный читатель — индивидуальность, и с каждым, по идее, надо работать отдельно. Запреты — самый плохой способ учения. Тем более — чтения.

— Ваш сын был «читающим»? Дайте совет нашим читателям, как воспитать читающего ребёнка.

— Да, мой сын был вполне читающим ребёнком, но он рос в литературной семье, и с момента рождения был окружён книгами (я бы сказал — только книгами, потому что книги были и остались единственным атрибутом моей домашней обстановки). Мне ка-

жется, ребёнок должен расти среди книг, должен день за днём видеть перед собой книжные корешки и с грудного возраста понимать, что книга — основа его жизни. Тогда у него будут определённые отношения с окружающим миром. Потом на всё это должны налагаться семейные чтения, разговоры родителей с ребёнком о прочитанных книгах — тактичные и серьёзные, но естественные и весёлые. Когда моему сыну было четыре года, он однажды замечательно ответил на вопрос, какая разница между стихами и прозой. «Стихи, — сказал он, — твёрдо-ударные, а проза — ласковая». В результате мой сын стал музыкантом, но книга осталась главным подспорьем в его жизни.

— Вы ведь работаете с юными поэтами? Чем привлекает Вас эта работа?

— Я не так уж много работаю с юными поэтами, как мне самому того хотелось бы. Эта работа скорее консультативная, нежели регулярная. Но она мне как пишущему стихи человеку очень нужна: всё-таки необходимо знать, чем живёт, чем дышит и чем интересуется твой потенциальный читатель. Особенно — умный, особенно — пишущий. Так что, надеюсь, мы «подкармливаем» друг друга.

— Что можно посоветовать родителям детей, сочиняющих стихи. Как реагировать, если стихи тебе не нравятся? А если нравятся?

— А родителям, чьи дети пробуют самостоятельно писать стихи, можно посоветовать только одно: поддерживайте своих отпрысков в любом начинании, связанном с писательством. Надо пестовать в детях каждую попытку общаться с языком как таковым. Пусть пишут — вы только должны им тактично внушить нехитрые соображения по этому поводу: писание стихов — это не признак гениальности и хвастовства; писание стихов — это серьёзный

труд и большая ответственность; писание стихов — это в какой-то степени дневник души, значит, именно душу надо воспитывать в первую очередь; наконец, писание стихов — это знание того, что было до тебя. И, как бы вам того ни хотелось, нравятся ли вам стихи ваших детей или не нравятся, дайте им возможность самостоятельно пройти по этим ступенькам и подняться на тот этаж писательской зрелости, который им окажется доступен. Пусть они потом навсегда забудут об этих своих писаниях, но в них уже сложится хотя бы небольшая основа для хорошего вкуса, меры и такта, которые, собственно, и формируют личность свободного человека.

— Помните свою любимую игру в детстве? Многим родителям просто не хватает времени на детей. А вам со своим сыном удавалось поиграть и почитать?

— Игра — вещь переменчивая. К тому же у каждого возраста — игры свои, особенные, другому возрасту неинтересные. Совсем маленьким я любил играть в кубики. В младших классах школы мы все повально были увлечены игрой в фантики. Чуть постарше начался скрэбл, за которым мы проводили долгие и очень полезные часы. И у сына были свои игры, а, повзрослев, он присоединился к нашим, взрослым. Например, к шарадам, которые одно время мы тоже очень любили разыгрывать. Но — проходит время, игры меняются, а потом на них просто не остается времени. Но, пока ребёнок маленький, конечно же надо искать время, чтобы и поиграть с ним, и почитать — ему или с ним вместе.

— В Интернете много восторженных отзывов ребят о встречах с Вами. А Вы сами любите выступать перед детьми?

— Уже давным-давно встречи с ребятами стали очень важной частью всей моей жизни. На таких встречах отрабатывается об-

щение с текстом, со стихами, — одни становятся востребованными, другие уходят в тень, третьи — сам чувствуешь! — требуют дополнительной работы. К тому же для меня каждое выступление — это не просто чтение стихов, а совместная работа-игра, в которой проверяются интеллектуальные способности и особенности аудитории. За час-полтора, которые длятся встречи, мы хоть чуть-чуть развиваемся, и это уже здорово! А мне такие встречи приносят, помимо удовольствия и азарта, ещё и несомненную пользу, потому что из многих я выношу что-то новое и полезное: сюжет, тему, промелькнувшее словечко, которые потом вырастают в стихи. Так что всем — ура!

МИХАИЛ ЯСНОВ

ВСЁ В ПОРЯДКЕ

Летучие мыши
Сидели на крыше.
Летучие кошки
Влетали в окошки.
Летучая лайка
Скакала по ветке —
Из кухни в дупло
Приносила объедки.
К трубе прижималась
Летучая свинка,
У свинки чесалась
Летучая спинка.
В летучем болоте
Ревел бегемот —
Занёс его ветер
В чужой огород.

Летучая репка
Скакала по грядке.
Спасался медведь
От летучих акул.
Летучий зайчонок
Летел без оглядки.
Всё было в порядке.
И Ваня —
Заснул.

Я ВЗРОСЛЕЮ

Я на слова сегодня скуп.
День длится —
Не кончается...

А у меня молочный зуб
Качается, качается!

Вокруг шумят:
«Он просто груб...»,
И мама огорчается.
А у меня молочный зуб
Качается, качается.

Любимый мой молочный суп
Не съел —
Не получается:
Ведь у меня молочный зуб
Качается, качается.

Нет, не могу разжать я губ!
А что ещё мне выпадет?
Молчу.
Раскачиваю зуб.
Ещё чуть-чуть — и выпадет!

Ура!
Он выпал наконец!
Теперь я больше не юнец!

Я рашпрощалша ш прошлым
И штал ужашно вжрошлым!

САМОЕ ДОБРОЕ СЛОВО

В джунглях тигрёнку не спится.
Говорит ему мама-тигрица:
— Спи, мой тёплый котёнок!

А в доме котёнку не спится,
Но кошка не будет сердиться —
Носом в котёнка потычет
И промурлычет:
— Спи, мой храбрый тигрёнок!

Все мамы на свете
Такие, как эти.
И если ночью не спят их дети,
Они укачают их снова,
Полижут,
Погладят
И быстро найдут
Самое доброе слово!

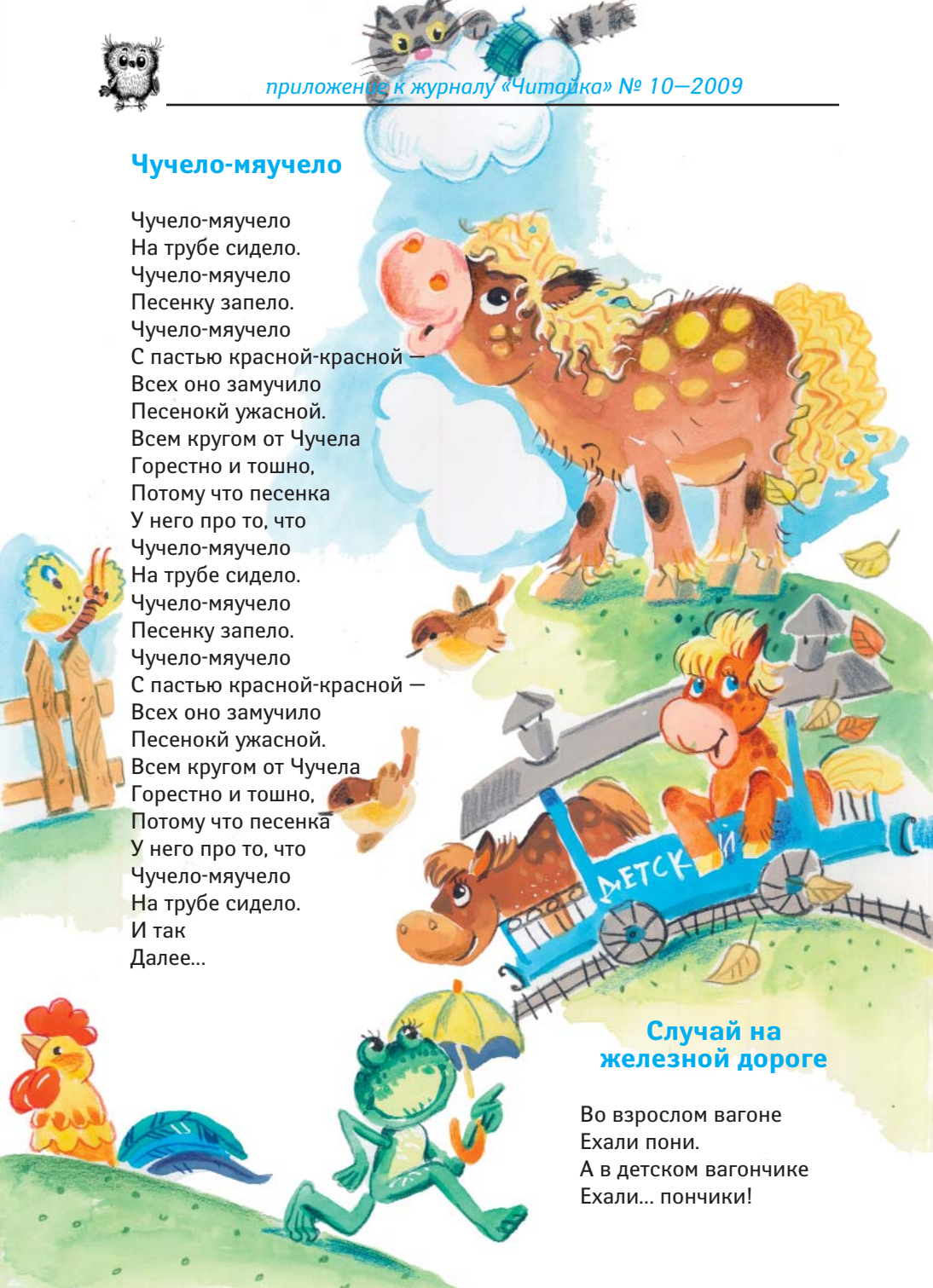

Чучело-мяучело

Чучело-мяучело
На трубе сидело.
Чучело-мяучело
Песенку запело.
Чучело-мяучело
С пастью красной-красной —
Всех оно замучило
Песенкой ужасной.
Всем кругом от Чучела
Горестно и тошно,
Потому что песенка
У него про то, что
Чучело-мяучело
На трубе сидело.
Чучело-мяучело
Песенку запело.
Чучело-мяучело
С пастью красной-красной —
Всех оно замучило
Песенкой ужасной.
Всем кругом от Чучела
Горестно и тошно,
Потому что песенка
У него про то, что
Чучело-мяучело
На трубе сидело.
И так
Далее...

Случай на железной дороге

Во взрослом вагоне
Ехали пони.
А в детском вагончике
Ехали... пончики!

Как понять?

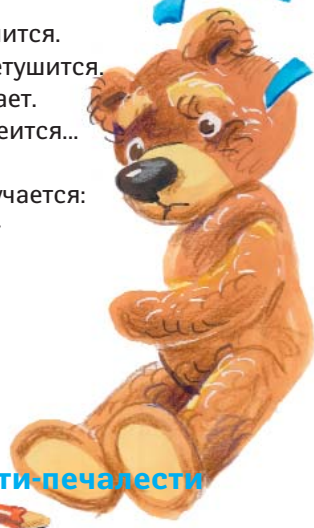
Много кошек — КОШКИ.
Много мошек — МОШКИ.
Бык улёгся у реки.
Два быка — уже БЫКИ.
Но не ясно мне про пони —
Ту, в упряжке и в попоне:
Вот шагает,
Недотрога,
В свой возок запряжена.
ПОНИ —
Это значит:
МНОГО!
А она —
Совсем одна...
Может, скажет пони-мать,
Как
Всё это
Понимать?

Что ж получается?

Ёрш — ершится.
Петух — петушится.
Лайка — лает.
Змея — змеится...

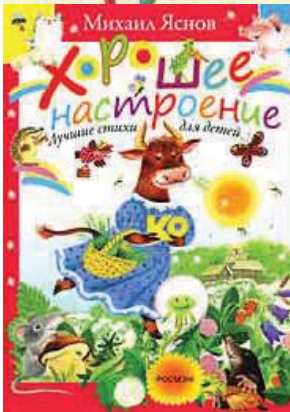
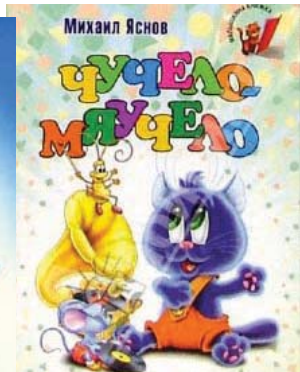
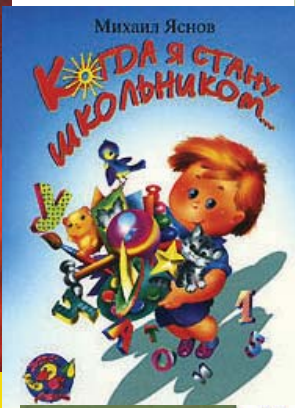
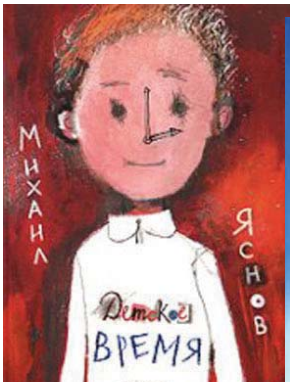
Что ж получается:
Лягушка —
Лягается

Горести-печалести

Горести-печалести
Что-то мне не спится.
С кем бы мне, печалести,
Вами поделиться?
Столько неприятностей —
Карандаш сломался,
Жук из банки вылез
И больше не поймался.
А ещё вдобавок —
Горе-то какое! —
Шарик накололся
На листок алоэ...
То-то мне и вертится,
То-то и не спится —
Может, мне с медведиком
Горем поделиться?
В моего медведика
Уткнусь я головой:
Он хотя и плюшевый,
Но зато — живой!

РУССКАЯ ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕЧНАЯ АССОЦИАЦИЯ
Адрес для писем: 109012 г. Москва,
М. Черкасский пер., 1/3, комн. 437
Тел./факс (495) 628-34-80